

Моя красавица

Автор:

Кэрол Маринелли

Моя красавица

Кэрол Маринелли

Любовный роман – Harlequin #111

Алекси Коловски предложил своему личному секретарю Кейт сыграть роль его невесты. Благодаря этому соглашению Кейт получает деньги, чтобы обеспечить будущее маленькой дочери, и возможность лично убедиться в правдивости слухов о том, что Алекси и правда великолепный любовник. Но фальшивая невеста однажды может стать настоящей женой...

Кэрол Маринелли

Моя красавица

Пролог

Боже, она просто не может вернуться туда.

По крайней мере, не в таком состоянии. Сердце Кейт стучало, как барабан. Когда она подавала кофе своему боссу, Левандеру Коловски, и его младшему брату Алекси, ее руки дрожали.

Еще никогда и ни на кого ее тело не реагировало с такой неистовой страстью. И уж точно она не ожидала, что это произойдет на тридцать четвертой неделе беременности.

Когда Левандер сообщил, что сегодня из Лондона в главный офис компании прилетит Алекси, Кейт думала, что знает, чего ожидать. Во-первых, она была знакома с его братом-близнецом, так что представляла, как он выглядит, а во-вторых, она была прекрасно осведомлена о его репутации известного сердцееда.

И сейчас она отреагировала не на его яркую внешность – в семье Коловски все мужчины отличались незаурядной красотой, и ее босс был в их числе. Кейт помнила, насколько она была изумлена, когда агентство временного найма[1 - Агентство, предоставляющее свой персонал другим компаниям на ограниченный срок для выполнения каких-либо работ.] направило ее на работу в главный офис компании Коловски. Еще большее удивление она испытала, когда Левандер предложил ей продолжить работу после истечения срока контракта. Но даже после этого она оставалась лишь временным сотрудником. Кейт хорошо справлялась со своими обязанностями, но для Коловски этого было недостаточно: если она хотела получить постоянную работу в компании, то должна была все делать идеально.

Нет, не внешность Алекси вызвала в душе Кейт такую бурю эмоций, что-то иное заставило ее сердце замереть, как только она переступила порог офиса Левандера, что-то иное наполнило все ее тело текучим пламенем, когда его ветреный младший брат на секунду оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на нее.

– Вы уверены в том, что должны здесь находиться? – спросил он глубоким, низким голосом, от которого по ее коже побежали мурашки.

Его серые глаза медленно скользнули по ее телу и остановились на большом животе. Она совсем не была похожа на девушек-моделей, на беременность которых намекала лишь легкая округлость живота и сексуально увеличившаяся грудь. Нет, в случае Кейт Тейлор во время беременности раздулось все ее тело от груди и до лодыжек.

– Простите? – Кейт сама удивилась, когда это слово сорвалось с ее губ. Обычно в таких случаях она лишь вежливо улыбалась. После четырех месяцев работы в

доме мод Коловски эта улыбка начала появлялась у нее на лице уже практически рефлекторно, но в этот раз Кейт почему-то не смогла сдержаться.

- Вы выглядите так, словно можете в любой момент...

- Могу - что? - нахмурилась она, наблюдая за тем, как породистые черты лица Алекси на секунду исказила легкая паника. Похоже, ему на секунду показалось, что он совершил ошибку и на самом деле она не беременна!

- Вы только что заслужили прибавку к жалованью, - рассмеялся Левандер, глядя на смутившегося Алекси. - Не многие могут заставить моего братца покраснеть.

- Она ведь беременна, да? - услышала Кейт шепот Алекси, когда выходила в приемную, чтобы приготовить кофе.

- А ты как думаешь? К сожалению, да.

- «К сожалению»?

- Я стараюсь не думать о том, что она в любой момент может родить, - развел руками Левандер. - До прихода Кейт здесь был настоящий хаос, только она смогла навести порядок и скоординировать мою работу. Теперь я точно знаю, где и во сколько я должен быть в ближайшие пару недель. Кроме того, она легко справляется с работой с самыми сложными нашими клиентами.

- Но она ведь вернется.

- Нет. - Левандер с грустью покачал головой. - Кейт недавно рассталась со своим женихом и переехала в Мельбурн. Она временный сотрудник, ей нужна была работа на пару недель. Когда появится ребенок, она хочет полностью посвятить себя ему.

После этого мужчины вновь вернулись к обсуждению какого-то нового проекта, так что Кейт не нужно было волноваться о том, заметил ли Алекси румянец на ее щеках. Когда через пару минут она вернулась с двумя чашками кофе, Алекси даже не поднял головы, полностью поглощенный изучением документов.

Следующие несколько недель он приходил почти каждый день, на минуту останавливался у ее стола, чтобы поздороваться и спросить, как она себя чувствует, а затем шел в офис Левандера. Иногда он проводил с ней больше времени, ожидая, когда Левандер вернется с утренней пробежки, рассказывал ей о Лондоне, где он возглавлял британский филиал компании, а иногда даже расспрашивал о ее жизни. Может быть, потому, что она была уверена, что больше никогда не увидит его, может быть, из-за того, что последнее время ей было очень одиноко, Кейт честно отвечала на все его вопросы. Из их коротких бесед Алекси узнал и о том, как она боится растить ребенка в одиночестве, о том, насколько она ненавидит больницы, и о многом другом, что волновало ее в те дни.

В последнее утро перед отлетом назад в Англию Алекси пришел на встречу с Левандером, на которой также собирались присутствовать его отец, Иван, и мать, Нина. От перспективы провести ближайшие три часа в тесном семейном кругу у Алекси начинали ныть зубы, а желудок скручивало в тугий узел, из которого сочились тонкие струйки желчи. Он с изумлением отметил про себя, что единственным, чего он ждал с нетерпением, были теплая улыбка Кейт и неизменная чашка кофе, которой она встречала гостя.

Но, выйдя из лифта, он увидел за столом в приемной тщедушное существо примерно пяти футов роста, с маской макияжа на лице, обрамленном выбеленными кудрями.

– Доброе утро, мистер Коловски, ваши родные уже собрались. Принести вам кофе?

– А где Кейт?

– А, та временная сотрудница? Она родила вчера ночью.

– И кто родился?

Девушка пожала плечами:

– Не знаю. Но спасибо, что напомнили, я позвоню в больницу и уточню. Левандер велел послать ей букет цветов и подарок.

Эта встреча показалась Алекси бесконечной. Он, как и его братья, не привык проводить столько времени с семьей. Близнец Алекси, Йозеф, даже специально взял выходной в больнице, где он работал хирургом. Сегодня отец сообщил им о своей болезни и тут же уточнил, что об этом никто не должен узнать.

– Люди болеют, – чуть пожал плечами Йозеф. – Здесь нечего стыдиться.

– Коловски не имеют права показывать слабость, – отрезал Иван.

Потом они долго обсуждали новые проекты, дизайн последней линии одежды, то, что Алексей должен вместо Ивана, который будет проходить лечение, появиться на всех модных показах Европы. Левандер в это время будет управлять главным офисом в Австралии.

– Все, что было сказано в этой комнате, не должно выйти за ее пределы, – твердо сказала Нина, глядя на собравшегося уходить Алекси.

Просто холодное предупреждение, на пожелание счастливого пути рассчитывать не стоило. У Алекси закружилась голова, струйки желчи у него внутри, казалось, превратились в глубокое, черное озеро, затопившее его сознание. Он снова был маленьким мальчиком, которому родители запрещали говорить о своей боли, плакать, хоть как-то показывать свою слабость.

Потому что у Коловски нет и не может быть слабостей.

Проходя через фойе, он увидел на столе секретаря большую корзину, заполненную цветами, конфетами и красиво свернутым розовым одеялком с логотипом Коловски. Вскоре ее должен был забрать курьер и доставить адресату.

Похоже, Кейт родила девочку.

Алекси не слишком часто задумывался над причинами собственных поступков. Сейчас он тоже не стал размышлять о том, что заставило его вернуться в приемную, сказать изумленной сотруднице пару коротких фраз и забрать корзину с подарками для Кейт. Сев в машину, он мельком взглянул на карточку, прикрепленную к стенке корзины, и назвал водителю адрес.

– Если желаете, я могу сам отнести подарки, – предложил шофер, подъезжая к лабиринту больничного комплекса.

Но по неизвестным ему самому причинам Алекси хотел сделать это сам.

Он ничего не понимал, с момента, когда он узнал о том, что его отец умирает, его охватило странное оцепенение. Он не понимал, почему стоит в приемной больницы, уточняя у медсестры номер палаты Кейт, когда он ехал в лифте, он думал только о том, насколько эта больница не похожа на частные медицинские центры, где ему доводилось бывать. Он просто хотел попрощаться с этой милой девушкой.

Последние двадцать четыре часа для Кейт были настоящим адом. Двенадцать часов бесплодных попыток, за которыми последовало экстренное кесарево. Сейчас ее маленькая дочь спала в детской кроватке неподалеку от ее постели, но почему-то, несмотря на это, Кейт чувствовала себя безнадежно одинокой и потерянной.

Боль от родов и операции не шла ни в какое сравнение с той горечью и стыдом, которую она испытывала в часы посещений. Кейт постоянно ловила на себе любопытные или сочувствующие взгляды трех других девушек, с которыми она делила палату, и их визитеров. Их кровати были увешаны шариками, на тумбочках стояли цветы, поздравительные открытки и сладости, и, самое главное, рядом с ними были отцы их детей.

А она была одна, и ей было стыдно, что все видят ее одиночество. После короткого телефонного разговора с Крегом она оставила надежду, что он появится.

Она и ее маленькая дочь никому не были нужны.

И тут вошел он.

Алекси сразу понял, как себя сейчас чувствует Кейт, заметил полные недоверчивого скепсиса взгляды ее соседок по палате, когда они поняли, что он пришел навестить ее. «Мог ли он быть ее... Конечно нет!» – думали они.

– Умоляю, прости меня, дорогая! – воскликнул он, бросаясь к кровати, ставя на тумбочку корзину с цветами и подарками и вглядываясь в удивленное лицо девушки.

Ее лицо опухло от слез, глаза покраснели от усталости после бессонной ночи. Алекси думал, что после родов женщины сразу сбрасывают вес, но Кейт, казалось, наоборот, увеличилась еще вдвое. Ее волнистые темные волосы свалились от пота. Но она благодарно улыбнулась ему, и Алекси почувствовал, что пришел не зря.

– Сможешь ли ты простить меня? Я не смог быть рядом с тобой! – Он говорил достаточно громко, чтобы ее соседки слышали каждое слово.

– Прекратите, – прошептала Кейт, стараясь сдержать смех. – Они ведь подумают, что вы и есть отец ребенка.

– Ничего, притвориться им на пару часов будет даже забавно, – откликнулся он, осторожно садясь на край постели. Он еще раз оглядел ее бледное, изможденное лицо. – Все было настолько ужасно?

– Просто ад.

– А зачем нужны капельницы?

– Пришлось делать операцию, чтобы спасти ребенка.

– Когда вас отпустят домой?

– Через пару дней.

Кейт печально опустила глаза. Сейчас у нее не хватало сил, даже чтобы взять на руки собственную дочь, и мысль о том, что уже через два дня ей придется самой заботиться о себе и ребенке, приводила ее в панику.

– Это же слишком скоро. – Алекси был потрясен. – Когда моей кузине сделали кесарево, ее держали в больнице неделю.

Тут Алекси перевел взгляд на детскую кроватку, вспомнив, что правила хорошего тона требуют сказать что-то хорошее о малышке, но, когда он увидел ее, ему не пришлось ничего придумывать. Девочка оказалась удивительно хорошенькой, с короткими светлыми кудряшками, огромными голубыми глазами и розовыми, полными, как и у матери, губками.

- Она такая очаровательная, - честно сказал он.

- Да. Думаю, ее глаза уже через пару недель станут карими, - улыбнулась в ответ Кейт. - Но, Алекси, скажите мне, что вы тут делаете?

- Я решил заехать проведать вас по дороге в аэропорт.

Судя по лицу Кейт, это объяснение не показалось ей достаточно убедительным.

- После пяти часов, проведенных в компании любимых родителей, мне нужно было увидеть хотя бы одного нормального человека.

В это время малышка заворчалась в кроватке.

- Похоже, она окончательно проснулась.

- Хотите ее поддержать?

- Господи, нет! - отказался было Алекси, но любопытство пересилило. - Хотя... А это ее не побеспокоит?

- Нет, конечно, - мягко улыбнулась Кейт, наблюдая за тем, как сильные мужские руки бережно поднимают маленький сверток из кроватки.

На секунду ее охватило невозможное, глупое желание, чтобы именно Алекси был отцом ее ребенка.

- Мой отец болен, - тихо сказал он.

Это была секретная информация, которую Кейт при желании могла бы продать за десятки тысяч долларов, но сейчас ему было все равно. Он осторожно держал в руках этот комочек новорожденной жизни и чувствовал, как в его груди разливается странное, незнакомое, теплое чувство. Он осторожно провел кончиком пальца по маленькой бархатистой щечке.

- Мне очень жаль.

- Я знаю.

- Никто не должен об этом знать, - сказал Алекси, все еще не отрывая взгляда от малышки. - Как ты ее назвала?

- Джорджина.

- Джорджи, - улыбнулся Алекси своей новой знакомой.

- Джорджина! - возмущенно поправила его Кейт.

- Интересно, когда я родился, я тоже был таким хорошеньким? Представь, если бы сейчас здесь было сразу два младенца.

Кейт улыбнулась. Два крошечных, совершенно одинаковых Коловски в одной кроватке, наверное, надолго приковали бы к себе внимание всего родильного отделения.

- Не могу представить вас младенцем.

- А зря, судя по фотографиям, я был очень милым и забавным. А Йозеф у нас с рождения был безумно серьезным. - Он осторожно положил Джорджину в кроватку и ласково улыбнулся Кейт. - Ты станешь прекрасной матерью.

- Но как?

Может быть, свою роль сыграли гормоны или страх, но по щекам Кейт потекли слезы.

– Я очень хочу быть для нее хорошей матерью, но как же мне справиться со всем этим?

– Ты справишься, – уверенно сказал Алексей. – У моих родителей было все, чего можно пожелать, но это не помогло им. Ты не такая, как они.

Он заглянул в ее мягкие, теплые карие глаза, полные слез, беспокойства и потаенной веры в то, что все будет хорошо.

– Прости, я должен идти.

– Спасибо тебе, – сказала она, заставив себя приподняться на кровати, и вдруг оказалась в его объятиях.

Его прекрасное лицо было так близко, что она могла чувствовать его запах, смесь фирменного одеколona Коловски и чего-то еще, его собственного уникального, мужского аромата.

– Нельзя оставить наших зрителей без яркого финала, – прошептал он.

А потом поцеловал ее!

Ужасно, невыносимо нежно и осторожно – ведь после операции прошло всего несколько часов. Кейт показалось, что на мгновение она попала в рай: вкус его губ, движения его языка, проникшего в ее рот сквозь податливо приоткрытые губы, страсть, которая заглушила мысли о причине, по которой он целует ее...

Но поцелуй прервался.

– Прости, я должен успеть на самолет.

«Ему следовало стать актером», – с тоской подумала Кейт, потому что в его голосе и взгляде было почти искреннее сожаление. Она обессиленно опустилась на подушки, закрыла глаза, чтобы не видеть любопытных взглядов соседок и их, таких блеклых на фоне Алекси, мужей.

Она почти заснула, но была весьма грубо вырвана из дремы, когда санитар начал со стуком откреплять ее кровать от стены.

- Вас переводят в другую палату, - пояснил он свои действия.

- Куда?

Нет, господи, только не это, только не новая палата с тремя новыми любопытными женщинами. Или еще страшнее: ее переводят в восьмиместную палату.

Но ее кровать аккуратно вывезли из общественной секции и по мягким коврам повезли в частное крыло. Кейт сгорала от смущения, чувствуя, что ей здесь не место, но персонал это совершенно не интересовало, ведь Алекси Коловски оплатил ее пребывание в больнице на ближайшую неделю.

Каким блаженством стало для Кейт перемещение в отдельную палату, похожую на номер в пятизвездочном отеле. Джорджина теперь находилась под постоянным присмотром медсестер, ее приносили Кейт несколько раз в день для кормления.

Поздно ночью, покормив дочь и попрощавшись с забравшей ее медсестрой, Кейт с улыбкой подумала, что это вторая лучшая вещь, которая когда-либо происходила с ней в жизни.

Первой был поцелуй Алекси.

Глава 1

Нога не так уж сильно и болела. По крайней мере, II не так сильно, как предполагали врачи, после той ужасной аварии, которая чуть не стоила Алекси Коловски жизни. Ему сказали, что потребуется около шести месяцев интенсивной терапии и, возможно, он сможет ходить.

Уже через четыре месяца Алекси начал передвигаться по острову без посторонней помощи. Врачи рекомендовали, чтобы он делал комплекс упражнений по пятнадцать минут два раза в день. Сегодня Алекси заканчивал делать третью серию упражнений, на каждую из которых у него уходил час, а еще не было и полудня.

Что бы ему ни советовали делать, он делал в несколько раз больше. Ему предлагали лечение, он же был настроен исключительно на скорейшее и полное выздоровление.

В конце концов, однажды он уже справился с такой ситуацией, а условия тогда были куда хуже, чем сейчас. Тогда он был ребенком, рядом не было высококвалифицированных врачей, вокруг не плескался океан, который сейчас ласково охлаждал его усталые мышцы. И все же тогда он смог сам исцелить свое изломанное тело – сначала в стенах собственной спальни, пока не сошли синяки, и позднее, когда начал снова ходить в школу, не позволяя себе ни единого стона или гримасы боли. Даже его брат-близнец Йозеф не знал о том, как ему на самом деле плохо.

Йозеф. Алекси горько усмехнулся. Вчера вечером он смотрел телевизионное шоу. Хотя нет, нельзя сказать, что он смотрел его, просто телевизор не был выключен, и его внимание периодически переключалось с нежных, умелых губ девушки, скользящих по его напряженной плоти, на голос ведущего, рассуждающего о телепатической связи между близнецами. Обычно во время секса сознание Алекси отключалось, он полностью отдавался этому занятию, обращая внимание только на страстные стоны извивающейся в его искусных руках женщины. Сейчас же все происходило скорее механически, и, хоть его партнерша и кричала от восторга, сам Алекси не получил никакого удовлетворения.

Он услышал телефонную трель. Не было никакой нужды отвечать на звонок, он пренебрегал этим все последние месяцы – кроме вчерашней ночи, когда это стало прекрасной причиной, чтобы попросить уйти его гостью.

Солнце окрасило бронзовым цветом его кожу, его тело после длительных тренировок, которым он посвящал массу своего времени, стало еще красивее. Он был бы похож на модель из журнала, рекламирующего пользу жизни у моря, если бы не паутина белых шрамов, покрывающих его кожу.

Взглянув на них, Алекси сжал зубы и нырнул в соленые волны. Вот теперь ему стало чертовски больно. Каждое движение вызывало новый прилив боли, на секунду сковывающей его тело, но он продолжал плыть.

Алекси любил своего брата и уважал его за то, что тот отказался от управления компанией и начал изучать медицину, они много разговаривали, обсуждая самые разные вопросы. Йозеф нравился ему как человек, но между ними не было ни телепатических уз, ни шестого чувства и единого разума. Иначе где была эта телепатическая связь, когда его родной отец до полусмерти избивал его, тогда еще семилетнего ребенка?

– Такое случается, – сказал Йозеф, когда пришел с матерью навестить его в больнице после аварии. – Зато отец уже присматривает тебе новый мотоцикл. – Он присел на край постели, и, из-за того что матрас прогнулся под его весом, Алекси испытал адскую боль. Он не застонал лишь потому, что поймал осуждающий взгляд матери. А Йозеф ничего не заметил, продолжая весело что-то рассказывать.

Между ними не было никакой особой связи.

Тебе не нужно чувствовать боль только потому, что твой брат-близнец страдает.

Стиснув зубы, он поплыл быстрее.

Ближе к вечеру Алекси вернулся к себе, чувствуя себя совершенно измотанным, но это даже радовало его: может, теперь он сможет заснуть? Медсестра принесла ему обезболивающее, но он отказался от него. Вместо этого он выпил витаминный коктейль и направился в спальню.

– Я хочу отдохнуть, ты можешь идти.

– Может быть, ты пригласишь меня войти? – спросила она. – Хочешь, я осмотрю тебя?

Он рыкнул в ответ проклятие и захлопнул за собой дверь. Неужели нельзя просто оставить его в покое?

Алекси с тихим стоном упал на кровать. Шелковые простыни приятно охладили его пылающую кожу, но текущая по венам кровь казалась ему ледяной. Боль не пугала Алекси, его волновало состояние собственного рассудка. Он с блеском прошел все тесты, которые проводили над ним врачи, убедил их, что он в порядке. На какое-то время ему удалось убедить в это даже себя самого. Но на самом деле было множество моментов, ситуаций, разговоров, которых он не мог вспомнить. Из обрывков воспоминаний он не всегда мог составить единую картину.

Опять зазвонил телефон.

Он протянул руку, собираясь отключить его, но увидел на экране имя.

Кейт.

Алекси немного помедлил перед тем, как ответить на звонок. Кейт была одной из причин, почему он уехал на этот остров: он слишком привык к тому, что она ухаживала за ним в первые месяцы после аварии, начал ждать ее прихода с излишним нетерпением, стал слишком доверять ей. Но он уже давно понял, что полагаться в этой жизни можно только на себя, а значит, он должен был забыть о Кейт.

– Да? – Его голос звучал немного хрипло.

– Ты попросил сообщить тебе, если...

Даже находясь на другом конце света, Алекси чувствовал, как она нервничает, и не мог винить ее за это. Нина придет в ярость, если узнает, что Кейт звонила ему: никто не смел прерывать процесс его выздоровления дурацкими деловыми проблемами. Вот только Алекси сам потребовал, чтобы его прерывали.

Он легко мог представить себе круглое, доброе лицо Кейт с вечным смущенным румянцем на щеках. Эта девушка очень легко краснела. Еще бы, ведь большую часть времени она проводила среди стройных моделей, которые косо смотрели на ее полную фигуру. Даже в лучшие времена Дом мод Коловски был отвратительным местом работы, а уж сейчас он больше был похож на осиное гнездо.

– Не бойся, что бы ни сказала тебе Нина, забудь об этом, ты должна подчиняться только мне, как мой секретарь.

Кейт была его личным секретарем уже больше года, с тех самых пор, как ему пришлось отказаться от сотрудничества со своей прошлой помощницей, которой почему-то начало казаться, что секс и любовь – это одно и то же. Наняв Кейт, страдающую от избытка веса мать-одиночку, Алекси был уверен, что сможет не переступить границ профессиональных отношений.

– Ваш брат Левандер. Вы знаете, что он и Милли собирались усыновить ребенка.

– И?..

– На прошлой неделе они отправились в Россию, чтобы увидеть их будущего сына.

Алекси устало прикрыл глаза. Он не планировал, что это день наступит так скоро. Раньше Левандер управлял главным офисом Дома Коловски в Австралии, но после смерти отца, пару лет назад, он сильно сдал, оставил пост главы компании и возглавил лондонский филиал, уговорив Алекси занять его место. Левандер был вынужден вновь возглавить компанию на время, пока Алекси проходил реабилитацию, но хотел как можно скорее оставить этот пост.

– Я слышала их разговор с Ниной. Она хочет сама управлять компанией.

– Левандер никогда не допустит...

«Не допустил бы», – поправил себя Алекси. Но после того как он встретился с Милли и усыновил Сашу, его приоритеты изменились. Деньги для Левандера никогда не играли особой роли. Кроме того, он лишь наполовину был сыном Коловски, Нина не была его настоящей матерью. Он вырос в детском доме в России, и сейчас, после смерти Ивана, Левандер в первую очередь думал о своей собственной семье.

– Она велела Левандеру не говорить тебе о ее планах, потому что тебе нужно время на реабилитацию и никто не должен тебя беспокоить. Нина полна новых идей, хочет изменить имидж Дома Коловски, она уверена, что это принесет

огромную прибыль. Она уже обсуждала это с правлением.

Сейчас Кейт уже не запинаясь. Когда дело касалось работы, она из стеснительной толстушки превращалась в прекрасно подготовленного, компетентного сотрудника. Именно поэтому Алекси и нанял ее.

– Какие идеи?

– На прошлой неделе было заседание правления. Нина огласила предложение Захара Беленки...

Несмотря на то что в комнате было почти жарко, кровь Алекси застыла в жилах.

– Какое предложение?

– От которого, по мнению Нины, выиграют и Дом Коловски, и благотворительный фонд Беленки. Они предлагают новую серию платьев для невест для бутиков «Красавица», ожидается высокий процент прибыли...

Но Алекси уже не слушал ее. Сеть «Красавица» была его проектом, его детищем. Но его привело в ярость даже не то, что Нина хочет прибрать к рукам его сеть.

Какого черта в это влез Беленки?

Сколько бы Алекси ни убеждал докторов и родных в том, что он в порядке, его память сильно пострадала из-за травмы. Мысли, картины, воспоминания были подобны рассыпавшейся мозаике. Он помнил благотворительный бал, на котором он присутствовал перед аварией, Беленки тогда специально прилетел из Европы, чтобы принять участие в мероприятии и сказать речь. Это все, что он помнил. Это и страх, который испытал тогда. После бала они сильно поругались с Йозефом из-за его неуместного поведения на балу, из-за того, что он был пьян и мешал выступать гостям.

Захар говорил о своем детстве в детдоме, о том, как там было ужасно, как он предпочел жить на улице, хоть там и было сложнее выжить.

Алекси было проще выпить еще бокал вина, чем слушать это. Левандер не любил рассказывать о своем детстве, а Алекси не был уверен, что хотел слушать. Ему было больно думать о том, как страдал тогда его брат.

– Беленки вернулся в Австралию?

– Нет. Но они с Ниной созваниваются каждый день, обсуждают новые проекты и идеи.

Почему это имя будит в нем такой страх? И почему он не может ничего вспомнить? Он попытался вспомнить хотя бы лицо этого человека, но образ был размытым, как и многие другие его воспоминания. Но нельзя допустить, чтобы кто-нибудь еще узнал об этом.

– Нина приведет компанию к банкротству, она не может управлять ею.

– Но кто еще может это делать?

– Я. Уже в понедельник я вернусь в свой кабинет.

– Нет, Алекси, я не для этого вам позвонила! Вы заставили меня пообещать, что я буду сообщать вам обо всех важных событиях в компании. Но вам еще рано возвращаться! Вы...

Алекси представил себе, как Кейт, прикусив нижнюю губу, накручивает на палец волосы, придумывая достойную причину, которая убедит его продолжить реабилитацию. Несмотря на ужасную усталость и волнение, эта картина заставила его улыбнуться. Ему нравились ее приятный, мягкий голос, ее манера вести себя, ее мимолетные жесты, которых она, возможно, даже не замечала.

– Я могу звонить вам каждый день.

Алекси не ответил. Он с изумлением опустил взгляд, глядя на неожиданно страстную реакцию своего тела на это невинное предложение.

– Алекси, вы меня слышите?

– Продолжай.

– Я буду все время вам звонить... и рассказывать обо всем... а вы мне будете говорить, что я должна делать.

Алекси закрыл глаза. О, как в этот момент он хотел сказать ей, что конкретно она должна делать. Как было бы хорошо, если бы можно было просто остаться здесь, лежать и слушать ее голос...

– Кейт...

Сейчас, в данную минуту, он страстно хотел ее. Хотел, чтобы она была здесь, рядом с ним, в его постели. Но вместо этого он заставил себя выпрямиться, забыть о пламени, пожирающем изнутри его тело, и сосредоточиться на главном.

– Я вернусь в понедельник. Никому не говори об этом, веди себя как ни в чем не бывало. И соглашайся со всем, что говорит Нина. И, Кейт...

– Да?

– Нет, ничего.

Он отключил телефон и постарался сосредоточиться на делах. Он знал, что, если Нина встанет во главе Дома Коловски, это закончится катастрофой, и он был единственным, кто мог это предотвратить.

Правда, он не помнил почему.

И в первый раз он не слишком пытался вспомнить. Вместо этого он включил ноутбук и открыл папку с фотографиями сотрудников Дома Коловски.

Иван, его покойный отец, Нина, его мать, Левандер, его сводный брат, которого родители, иммигрируя в Австралию, с легким сердцем оставили в сиротском приюте, Йозеф – его брат-близнец, его сестра Анника. Следующей была его собственная фотография: сосредоточенное, надменное лицо с нахмуренными бровями. А потом, впервые за много недель, он позволил себе взглянуть на ее

лицо.

Кейт Тейлор. Округлое, светящееся мягкой и доброй улыбкой лицо, окруженное облаком темных кудрей. На ее щеках, как всегда, играл румянец: она не любила фотографироваться и очень смущалась.

Наверное, он сходит с ума. Как мог этот бездушный корпоративный снимок вызвать такой пожар страстей в его теле? Алекси тщетно пытался унять свое воображение, но оно отказывалось подчиняться ему, рисуя все более и более соблазнительные картины.

Он с легкостью мог получить в свою постель самых прекрасных женщин, буквально за дверью его спальни ждала жаждущая, молящая о внимании и ласке красавица, готовая в любой момент упасть к его ногам, а он думал только о том, что в понедельник он, наконец, снова увидит Кейт.

– Алекси, может, тебе что-нибудь нужно? – спросила медсестра из-за запертой двери.

– Да, чтобы меня не беспокоили, – огрызнулся он, выключая компьютер и опускаясь на кровать. У него не было сил бороться с собой.

«Один раз», – решил он.

Только один раз он даст волю своим фантазиям, позволит себе представить себя с Кейт.

«Или, правильнее сказать, еще один, последний раз», – поправил себя Алекси, и его рука скользнула вниз, к сгорающей от желания плоти.

Глава 2

Джорджи восхищенно оглядела Кейт, поднимая взгляд от яичницы.

- Ты такая красивая!

- Спасибо, - мягко улыбнулась Кейт, привыкшая к восторженным комплиментам дочери.

- Я серьезно говорю, - нахмурилась Джорджи. - Столько губной помады.

- Много? - взволнованно переспросила Кейт.

- А костюм тоже новый?

Внимательные детские глазки еще раз скользнули по ее фигуре.

- Нет, что ты, я купила его сто лет назад, - пряча глаза, ответила Кейт.

Она добавила кусочек сахара в чай, потянулась за следующим, но с сожалением положила его обратно: она обещала себе придерживаться диеты. Боже, она думала, что Алекси вернется только через пару месяцев и за это время она успеет прийти в форму, а из-за сумасбродства Нины он будет в офисе уже сегодня!

- Сегодня возвращается Алекси? - спросила Джорджи, с интересом вглядываясь в лицо матери.

- Не знаю, я не уверена, - растерянно ответила Кейт, глядя на маленькую ведьмочку.

Казалось, сейчас она недовольно сморщит хорошенький носик и заколдует ее. Но вместо этого она радостно улыбнулась. Алекси Джорджи обожала.

Кейт думала, что ее встреча с Алекси в больнице будет последней, и сделала все, чтобы забыть его. Возможно, ей бы это удалось, если бы не периодически приходящие с разных концов земли открытки, странные, совсем не подходящие для ребенка игрушки для Джорджи, например набор русских кукол и музыкальная шкатулка с маленькой балериной на ее первый день рождения. Они приходили редко, иногда с перерывом в пару лет, но вызывали у девочки большую бурю восторга, чем не менее редкие подарки ее собственного отца.

Когда умер Иван, а Левандер улетел в Англию, чтобы возглавить лондонский филиал, до Кейт дошли новости, что Алекси возвращается в Австралию, чтобы занять пост главы компании. А через некоторое время он сам позвонил ей и предложил работу, от которой она, естественно, не смогла отказаться. Алекси согласился с тем, что Кейт может работать, только пока Джорджи в школе, но иногда обстоятельства требовали ее присутствия. Поэтому малышку часто можно было обнаружить ранним воскресным утром сидящей возле рабочего стола Кейт и уплетающей принесенный из дома завтрак, пока ее мать, стиснув зубы, разбиралась с очередным производственным кризисом.

- Мне нравится Алекси!

- Было бы странно, если бы это было не так. Он всегда так мил с тобой! - Даже в самые тяжелые дни, когда Алекси выглядел безнадежно уставшим и невыспавшимся, даже очень ранним утром, когда Кейт уговорила его приехать, чтобы проверить полугодовой отчет, он всегда находил в себе силы улыбаться Джорджи.

- А у него есть девушка? - не унималась малышка.

Кейт не собиралась рассказывать дочери о том, какие слухи ходили в компании о личной жизни Алекси, но и допускать, чтобы у Джорджи появлялись ненужные мысли о ее отношениях с боссом, тоже было нельзя.

- Алекси пользуется большой популярностью у женщин. А теперь давай поторапливаться, а не то опоздаешь в школу.

- Я не хочу идти туда.

- Не волнуйся, тебе там понравится.

Джорджи помотала головой, и ее глаза наполнились слезами.

- Мамочка, я им не нравлюсь.

- Хочешь, я опять поговорю с мисс Нагент?

Кейт уже много раз разговаривала с учительницей об атмосфере в классе, но все было бесполезно. Джорджи была очень одаренным ребенком, в свои пять лет она уже умела писать и читать, но, кроме того, она была очень активной и непоседливой, чем вызывала раздражение мисс Нагент и нелюбовь своих одноклассников.

- Нет, тогда они будут относиться ко мне еще хуже! - Ее голос задрожал от едва сдерживаемых слез. - Почему я им не нравлюсь?

Кейт не знала, что на это ответить. Джорджи было очень тяжело сходитьсь с детьми в детском саду, а теперь, в школе, ситуация повторялась: другие девочки не хотели играть с ней. Она была во многом умнее их и казалась им странной. Джорджи, скучая, приставала с вопросами к преподавателям и ученикам старших классов, из-за чего Кейт несколько раз вызывали в школу, где, как оказалось, считали Джорджи - ее милую, маленькую Джорджи - проблемным ребенком.

Кейт стыдно было это признавать, но она почувствовала облегчение, когда Джорджи попросила не говорить ни о чем мисс Нагент. Входя за руку с дочерью в школу, она с трудом удерживала на лице улыбку.

- Входи скорее, - поторопила Джорджи мисс Нагент, увидев, как та испуганно цепляется за руку Кейт. По крайней мере, в этот раз она не плакала. - Скажи маме «до свиданья», ей нужно идти на работу.

- Пока, мамочка, - печально прошептала Джорджи.

Ее несчастный вид разбивал Кейт сердце, но она ничего не могла с этим поделать. Все девочки в классе сидели группами, весело смеясь и болтая, и только Джорджи оставалась одна, с грустью глядя на выложенные на стол тетради и книжки. Как бы Кейт хотела, чтобы ее малышка могла играть с остальными детьми, чтобы ее, наконец, приняли.

Пока Кейт ехала на работу, она вновь и вновь вспоминала слова Алекси: он предложил ей работать полный день, а за это он был готов оплатить обучение Джорджи в любой школе, которую она выберет. Кейт уже нашла одну замечательную школу со специальной программой для одаренных детей, где понимали, с какими проблемами могут столкнуться родители маленьких гениев.

Но самое главное, после экскурсии по школе Кейт поняла, что это то место, где Джорджи наконец сможет почувствовать себя нормальным ребенком, перестать быть белой вороной.

Кейт включила радио и с грустью покачала головой. Настроение Алекси менялось чаще, чем направление ветра, его внезапное желание помочь и оплатить образование Джорджи могло в скором времени пройти. Кейт не могла полагаться на него в настолько важном вопросе.

– Рад вас видеть, сэр.

Обычно Алекси замедлял шаг, чтобы поздороваться с охранником, но не сегодня. Когда его водитель остановил машину перед входом в офис компании, он с внутренним содроганием вспомнил о высокой лестнице, ведущей к золотым вращающимся дверям парадного входа.

С лестницами у Алекси до сих пор были большие трудности. А еще сегодня утром он почти час потратил на то, чтобы завязать галстук. Тогда он был в отчаянии, но сейчас по его внешнему виду никто бы не догадался об этом. Он вышел из машины, красивый, безупречно одетый, и поднялся по лестнице так, словно с того момента, когда он делал это в последний раз, не прошли четыре месяца ада. Но легкость его движений была результатом колоссального внутреннего напряжения.

Кейт услышала шепот проходящих по коридору сотрудников.

– Алекси? Что, значит, он здесь? Вы уверены?

Она чувствовала нарастающую в здании панику, но притворялась, что ничего не замечает. Вместо этого она продолжала спокойно печатать, радуясь про себя, что нанесла сегодня на лицо двойной слой пудры. Возможно, он поможет скрыть от пронизывающего взгляда Нины ее смущение.

– Ты знала об этом? – возмущенно поинтересовалась Нина, наклоняясь над ее столом.

– Знала что? – невинно спросила Кейт.

– Алекси здесь! И если я узнаю, что его внезапное появление как-то связано с тобой, ты можешь попроситься со своим местом в компании.

– Не знаю, о чем вы говорите, – покачала головой Кейт, всеми силами стараясь изобразить удивление.

Это было несложно. Одно лишь присутствие Алекси в здании вселяло в ее сердце панику. И не только в нее. В коридоре не прекращалось движение, бухгалтеры и менеджеры компании, наслаждавшиеся бездельем в отсутствие Алекси, вдруг начали судорожно звонить Кейт, назначать встречи и писать оправдательные письма на имейл.

Сама Кейт тоже сидела как на иголках. Хоть ей и удавалось сохранять внешнее спокойствие, ее сердце под новым пиджаком билось, словно пойманная птица, и, если бы не новая помада, она бы давно искусала себе все губы от волнения. Хоть ее разум и твердил, что она должна взять себя в руки, тело отказывалось его слушать.

Она почувствовала его присутствие, его запах еще до того, как он вошел.

– Алекси, что вы здесь делаете? – Кейт не нужно было изображать изумление, когда она увидела стоящего в дверях босса. Последний раз она видела его на фотографии, сделанной каким-то папарацци несколько месяцев назад и проданной за полмиллиона долларов. На ней был изможденный, бледный человек, лежащий в больничной палате где-то в Вест-Индии, и именно его, бледную тень прежнего Алекси, она ожидала увидеть сейчас. Вместо этого перед ней стоял загорелый, подтянутый и лучащийся здоровьем и красотой мужчина, словно сошедший с плаката, рекламирующего здоровый образ жизни на свежем воздухе.

– Как я рада вас видеть, Алекси, – промурлыкала Лавиния, ассистентка Алекси. – Нам вас очень не хватало.

Он кивнул в ответ и направился в свой кабинет. Уже закрывая за собой дверь, он потребовал кофе, но, когда Лавиния подскочила, чтобы приготовить его, он отрицательно покачал головой:

– Нет, Кейт.

– Бедняжка, – притворно посочувствовала ей Лавиния, наблюдая, как Кейт колдует над кофеваркой. – Если Нина узнает, что ты как-то поспособствовала его возвращению, она превратит твою жизнь в ад.

– Но я этого не делала. И в любом случае глава компании Алекси, а не Нина.

– На этой неделе, – усмехнулась Лавиния. – Неужели ты не чувствуешь, что грядут большие перемены? Дни Алекси на этом посту сочтены.

«И именно поэтому ему пришлось вернуться», – мысленно откликнулась Кейт.

Когда самый молодой мужчина семейства Коловски и глава их модного дома попал в ужасную автомобильную аварию и балансировал на грани между жизнью и смертью, все население Австралии затаив дыхание следило за его состоянием. Распространялись слухи о необходимости ампутации ноги, о страшном повреждении мозга, но они не подтвердились. Но все-таки он был тяжело ранен, и ему требовалось время на реабилитацию. Одновременно в прессе всплыла информация о том, что старший сын семьи Левандер долгое время жил в сиротском приюте в России, пока его отец купался в роскоши вместе со своей новой женой в Австралии.

Для Дома Коловски тогда наступили тяжелые времена, но все-таки он смог удержаться на плаву. Нина сыграла на сочувствии людей к Алекси, смогла добиться симпатии многих потенциальных клиентов. Окружавшие ее имя скандалы в некоторой мере уравновешивала ее благотворительная деятельность в помощь русским сиротам, кроме того, в последнее время она вела переговоры с Захаром Беленки, создавшим несколько крупных фондов помощи детям в России, оказавшимся на улице.

На последней пресс-конференции Нину вновь спросили о здоровье сына и его возможном возвращении на пост главы компании, но она предпочла воздержаться от комментариев. Сидящая в зале Кейт похолодела, когда услышала жестокие слова его матери:

– Дом Коловски возрождается, у нас много новых интересных проектов и идей, но вряд ли его будет возглавлять Алекси.

Через два часа после этой пресс-конференции Кейт позвонила боссу.

– Жаль, конечно, но сейчас нам в первую очередь нужно понравиться Нине, Алекси уже в прошлом, – рассуждала тем временем Лавиния.

– Это тебя мне жаль, Лавиния, – не выдержала Кейт. – Мы обе знаем, что ты делала, чтобы понравиться боссу, я не уверена, что у Нины такие же вкусы, как и у Алекси.

– Ты очень напряжена, – заметил Алекси, когда Кейт ставила чашку кофе на его стол.

– Это не из-за вас, я просто только что имела не слишком приятный разговор с Лавинией.

Больше всего на свете Кейт не любила конфликтов, но почему-то все время оказывалась втянутой в них.

Алекси ничего не ответил, дорога совершенно вымотала его. Его нога ныла, а мускулы сковало судорогой, но он не имел права показать, как ему больно. Вместо этого он сделал глоток кофе и с наслаждением зажмурился. Как он скучал по этому вкусу после бесконечно долгих недель больничных помоев и черной жижи, которую медсестры в Вест-Индии пытались выдать за капучино. Он любил черный, сладкий кофе и устал объяснять, что даже чайная ложка молока полностью испортит его вкус.

– Все просто в панике, – хихикнула Кейт, вспоминая мечущихся по коридору сотрудников. – Я даже представить себе не могла, что Нина умеет так быстро бегать.

– Видимо, она спешила удалить файлы, которые я не должен был увидеть, – цинично усмехнулся Алекси.

- Но все-таки она в первую очередь думает о благе Дома Коловски.

- Она думает только о деньгах. Еще пара месяцев, и никакого Дома Коловски не существовало бы. А если бы он и сохранился, то его достижениями нельзя бы было гордиться.

- Все не настолько плохо.

Кейт постаралась, чтобы ее слова звучали искренне. На бумаге, в отчетах все было в порядке, практически идеально, но в реальности с тех пор, как Левандер улетел в Англию, а Нина взяла бразды правления в свои руки, многое изменилось.

- Наверное, мне не стоило звонить вам.

- Нет, я рад, что ты сделала это. Я созванивался с главой отдела маркетинга. Знаешь, как звучит новый слоган компании, предложенный моей матушкой? «Каждая женщина заслуживает кусочек Коловски!» А кроме линии свадебных платьев, она планирует подготовить коллекцию женского белья, которая будет продаваться в сети супермаркетов по всей стране.

- Но речь идет об эксклюзивных супермаркетах...

- Чушь собачья! - Он опустил взгляд на чашку с кофе и увидел рядом с ней целую горсть таблеток. - Мне это не нужно.

- Мне сообщили, что вы должны принимать их каждые четыре часа - это часть вашего лечения.

- Я мог лечиться, пока лежал на пляже, здесь мне нужно думать!

- Вы не можете просто прекратить принимать их, - настаивала Кейт.

Она знала, что так и будет. Даже в больнице, в первые недели после аварии, он отказывался от обезболивающих и максимально увеличивал время между приемами лекарств. Он всегда был безумно упрямым и неуступчивым, даже во сне.

Во время его реабилитации она провела бесчисленное количество часов у его постели, делая записи, рассказывая, что происходит в компании, глядя, как он постепенно начинает засыпать, слушая ее доклад. Ему необходим был отдых. Но к сожалению, он просыпался от каждой вспышки света или звука далекой сирены и требовал продолжить работу.

Она надеялась, что пребывание на Карибах пойдет ему на пользу, сделает его чуть-чуть мягче. Вместо этого он стал еще жестче, возможно из-за боли, которую он мог скрыть ото всех, но только не от нее.

- Приведи сюда мою мать.

- Я уже здесь, - холодно сказала Нина, входя в кабинет.

Для своих пятидесяти она выглядела прекрасно. После смерти Ивана она сильно сбросила вес и сейчас, в своем шелковом костюме, украшенном кружевами, со сверкающими на пальцах и в ушах бриллиантами, казалась тонкой и хрупкой - новообетенная власть над Домом Коловски ей очень шла. Она медленно вплыла в комнату, как и всегда полностью игнорируя присутствие Кейт. Следом за ней вошла Лавиния.

- Рада, что ты вернулся, Алекси, - сказала Нина, но радости в ее голосе определенно не было.

Кейт не понимала, почему Нина так ведет себя: ее родной сын был тяжело ранен и наконец вернулся домой после долгой реабилитации, а она приветствует его как чужого.

- Неужели? - Похоже, Алекси тоже это заметил. - Звучит не слишком убедительно.

- Просто я беспокоюсь о тебе, как и любая мать. Мне кажется, что ты слишком рано прервал свое лечение.

- Еще немного, и было бы слишком поздно. Я видел лист твоих предложений правлению.

– Я ведь приказывала, чтобы тебя не беспокоили из-за таких мелочей! – воскликнула она, обжигая Кейт ледяным взглядом. – Оставьте нас, с вами я разберусь позже, уверена, что это ваша вина!

– Это твоя вина! – нахмурившись, поправил ее Алекси. – Ты просто боялась, что мое выздоровление прервет поток денег в твои карманы. Спасибо, Кейт, ты можешь идти, – с улыбкой кивнул он ей.

Кейт с облегчением закрыла за собой дверь. Она была рада покинуть эпицентр зарождавшейся бури. Но до того как дверь захлопнулась, она услышала очередной оскорбительный комментарий Нины:

– Ты знаешь, я узнала о новой замечательной диете, может, мне стоит рассказать о ней твоему секретарю?

Кейт со вздохом подошла к зеркалу в дамской комнате, но не нашла в нем утешения. Даже дорогой, прекрасно сидящий на ней серый костюм не скрывал ее пышных форм, которые не имели бы никакого значения на любой другой работе, но в Доме мод Коловски были страшным преступлением. Когда она шла по коридору, ей вслед оборачивались; как бы тщательно она ни красилась, к обеду макияж практически стирался, а волосы, даже после укладки, к вечеру завивались в сотни мелких колечек.

Кейт услышала скрип открывающейся двери и увидела ослепительно красивую девушку. Она подошла к зеркалу, чуть подкрасила губы, поправила бюстгальтер на несуществующей груди и вышла. В сторону Кейт она даже не взглянула – она была ей не соперницей. Ничем.

Если бы они знали ее секрет. Если бы они знали, что иногда... Кейт замерла перед зеркалом, на ее губах блуждала мечтательная улыбка, а глаза сияли. Иногда в ночной тишине, когда Джорджи была у бабушки с дедушкой, Алекси, забыв про блеск и гламур, окружавший его изо дня в день, оказывался на ее пороге.

Они никогда не обсуждали это. Он всегда уезжал рано утром. Они не спали вместе, все, что между ними было, – это два поцелуя: один, когда родилась Джорджи, и еще один ночью перед несчастным случаем.

Конечно, для Коловски поцелуй был мелочью, ничего не значащей обыденностью, они легко раздавали их жаждающим внимания поклонницам, но для Кейт эти воспоминания были драгоценны.

О, если бы все эти прекрасные женщины знали, что иногда ночью Алекси Коловски приходит к ней, потому что ему нравится проводить с ней время.

* * *

– Они попросили тебя зайти, – сказала Лавиния, недовольная тем, что ей не позволили присутствовать на совещании.

Кейт со вздохом вошла в кабинет. Если бы Кейт не знала, что два человека, сидящие друг напротив друга, – это мать и сын, она никогда бы не догадалась об этом. Воздух дрожал от напряжения. Алекси разговаривал по телефону на арабском – это был еще один из впечатляющего количества его необычных навыков. Закончив разговор, он положил трубку и сразу перешел к делу:

– Нина согласилась отозвать свое официальное предложение совету директоров о смене руководства в компании, но она сделает новое заявление об этом в моем присутствии на следующем заседании правления. Через два месяца состоится голосование, которое решит, кто из нас будет в дальнейшем возглавлять Дом Коловски.

Ни один мускул не дрогнул на накачанном ботоксом лице Нины.

– Моя мать сообщила, что правление обеспокоено моим поведением, что она, как и все, волнуется за мое здоровье, которое может не выдержать давления, которое ляжет на меня как на главу компании. – Чувственные губы Алекси скривились от отвращения, когда он произносил эти слова. – С сегодняшнего дня Дом Коловски и «Красавица» будут рассматриваться как независимые друг от друга организации. Взамен Нина требует, чтобы ты предоставила ей последние финансовые отчеты по «Красавице».

В сети бутиков «Красавица» продавали одежду и аксессуары, которые не оставили бы равнодушной ни одну молодую девушку. Там не было дорогих мехов или ювелирных украшений, но, так как это был бутик Коловски, все изделия,

продававшиеся там, являлись эксклюзивными. Идея создания такой сети принадлежала Алекси, это был первый самостоятельный проект, которым он лично руководил с самого начала. «Красавица» имела бешеную популярность, любая состоятельная девушка имела в своем гардеробе несколько вещей из этого бутика. А когда эта девушка выросла во взрослую женщину, ее сердце уже было отдано Дому мод Коловски.

Этот проект был любимым детищем Алекси, но, похоже, Нину не устраивала мысль, что она не сможет прибрать его к рукам вместе с компанией.

– Но у Нины есть все отчеты по этому проекту.

– Я хочу получить настоящие отчеты, не урезанную, подредактированную версию.

– На это может уйти некоторое время. Есть и другие вещи, которые нам следует обсудить. Мне только что позвонил личный секретарь шейха Амаллаха...

При этой фразе на лице Нины появились признаки нервозности, на ее щеках вспыхнул румянец, а кончик языка непроизвольно скользнул по верхней губе.

– Потребуется тысячи твоих дешевых свадебных платьев, чтобы они сравнялись по прибыли с единственным свадебным платьем для дочери шейха! – Алекси не кричал, но чувствовалось, что он в ярости. – А ты даже не потрудилась встретить ее в аэропорту!

– Я послала за ней Лавинию! – защищалась Нина.

– Лавинию! – Голос Алекси сочился ядом. – Ты ведь просто не понимаешь, да? – Он повернулся к Кейт: – Закажи столик в ресторане и передай дочери шейха, что Нина очень ждет встречи с ним.

– Я не могу сегодня с ними ужинать! – Нина смотрела на сына как на сумасшедшего. – Иди ты, ты знаешь их язык.

– Я сомневаюсь, что шейху понравится, что его прелестная невинная дочь будет ужинать со мной! – Вот теперь он действительно кричал. – Не забывай, что пока

я глава компании, а значит, мы будем поступать так, как я сказал! И еще одно. Ты можешь сражаться со мной за право возглавить компанию, но я никогда не отдам тебе «Красавицу». Это мой проект!

- Твой проект ничего не стоил бы без имени моего мужа!

Кейт заметила, как эта фраза задела Алекси, как заиграли желваки на его щеках.

- Ты понятия не имеешь, что ты делаешь. Следуй намеченным курсом, и через пару лет уже никто не вспомнит имя Коловски.

- Сейчас у компании тяжелые времена, - холодно ответила Нина, вставая и собираясь уходить. - Я делаю то, что необходимо, чтобы остаться на плаву.

Алекси молча смотрел на закрывшуюся за ее спиной дверь.

- А компания действительно находится в таком тяжелом положении? - осторожно спросила Кейт.

- Будет. Сейчас у нас все в порядке, но Нина боится даже собственной тени и поднимает панику на пустом месте, а это ни к чему хорошему не приведет. Беленки предложил создать линию готовых свадебных платьев и белья для супермаркетов, и она ухватилась за эту идею. Предполагается, что это временный проект, всего на год, пока компания не встанет на ноги, причем десять процентов дохода должны будут пойти на благотворительность... Это похоже на хорошую идею, но она станет началом конца для Дома Коловски. И Беленки тоже это знает. Мы существуем так долго и имеем успех у наших клиентов потому, что вся наша одежда эксклюзивна... Мне он не нравится...

- Да, вы говорили, что не доверяете ему.

Алекси поднял на нее напряженный взгляд:

- Когда?

– Ночью перед несчастным случаем. – Кейт чувствовала, что ее лицо пылает. – Когда вы пришли ко мне домой.

Похоже, это воспоминание смутило и Алекси, так как он тут же перешел к другим делам:

– Подготовь отчет для Нины. Настоящий. Но не отдавай, пока я сам его не проверю.

– Если вы измените цифры, она может догадаться об этом.

– Она даже слово «дура», написанное десятифутовыми буквами на стене, не заметит. Просто подготовь отчет, хорошо? Помни, ты или со мной, или против меня.

– Что? – Собравшаяся уходить, Кейт удивленно обернулась.

– Ты или на моей стороне, или собираешь вещи и уходишь.

– Вы и так знаете ответ.

– Хорошо. Но если я замечу хотя бы намек на то, что ты работаешь на кого-то еще, я уволю тебя в ту же секунду! Даже не думай предать меня.

– Не нужно мне угрожать, Алекси.

Румянец на щеках Кейт появился не только от гнева, но и от стыда, ведь она уже решила, что сегодняшнюю ночь проведет обновляя свое резюме на сайтах службы занятости. Но он ведь понятия не имеет о том, в каком плачевном финансовом положении она сейчас находится!

– Вернемся к началу нашего разговора. Ты со мной?

– Да.

– Хорошо. Но если я узнаю...

– Алекси, прекратите! Я же сказала, что я на вашей стороне. И вам придется довериться мне.

– Почему это?

Иногда она его просто ненавидела! Когда Кейт вернулась к своему рабочему столу, ей так и подмывало прямо сейчас выйти в Интернет и найти новую работу, просто чтобы доказать Алекси, что он был прав, что на ее честное слово нельзя положиться, что его безумная подозрительность опять себя оправдала.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Агентство, предоставляющее свой персонал другим компаниям на ограниченный срок для выполнения каких-либо работ.

Купить: https://tellnovel.com/marinelli_kerol/moya-krasavica

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)